
XXIII.

Челобитная Генеральных Старшин и всего войска Малороссийскаго: об измене и о многом неистовстве Гетмана Ивана Самойловича.

Пресветлейшим и Державнейшим, Великим Государем, Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и Великой Государыне, Благоверной Царевне и Великой Княжне Софии Алексеевне, всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцам, Их Царскому Величеству, милостивым своим Обладателем, верные подданные покорно доносят:

Что войско Запорожское зело скорбно и жалостно есть, что Их Государское святое намерение о посылке сил Их Монаршеских на Крым, на которую весь свет Христианский обратил очи свои и с которого все их Монаршеские доброхоты с великим желанием надеялися счастливых, прехвальных и ко приращению безсмертных вовеки Российскому Царствию великия славы приличных збытей, не пришло ныне к своему совершенству, в котором деле хотя для милости, милостивых и милосердых скипетроносных Государей своих, ради было войско Запорожское при всякой бодрости и радении

314

служити, однако не могло, за неисправлением Гетманским, который только для слепоты очей своих и для тягости своей не был и несть угоден ко творению должностей Гетману приличных, другое и не желал того, чтоб над Крымом Их Монаршеские силы сим походом имели одоление, которое нежелательство ево мочно довести отсюда:

Прежде учинения еще вечнаго миру Их Царскаго Пресветлаго Величества с Королевством Польским, всегда он Гетман таковы предложения чрез Посланных и чрез гонцов своих к Великим Государем доносил, чтоб Они Великие Государи с Турки и Татары перемирье держали, а с Поляки не мирились, сказывая, что тот мир не надобен и для того он и села Посожские, не советовав ни с кем, велел было захватить, хотя Их Царское Пресветлое Величество ссорити глубоко с Королевским Величеством Польским, дабы тот мир не

состоялся, которых сел Посожских не имел уступить, хотя бы и многие Их Монаршеские к нему были Указы, как и не уступал их покамест сами Поляки по соизволению Государскому отобрали.

А как мир уже учинился вечной с Польскою стороною и был прислан от Них Великих Государей в Батурин Ближний Окольник Леонтей Романович Неплюев с тем мирным извещением, тогда запечалился зело и был печален многие дни, и кроме того что пред Окольничим словами нежелательными выявлялся, говоря: увидите, что не всяк из ваших чинов Московских вам станет благодарить, что разорвали мир хитростию Польскою с Государством Турским и Крымским и хотите войну против их всчать; при Старшине войсковой, тогда же скоро по отъезде Окольничаго из Батурина многократно таковыже жестокие слова говорил: купили ныне Москва себе лихо за свои деньги, Ляхом данные, и се что в том с Поляки учиненном миру сыщут и что против Хана учинят увидите; жалели малой дачи Татаром давать, а будут большую казну давать, какову Татары похотят.

315

И после того бывал смутен и сердит и таковы же слова в случаях речей поновлял, а за тот мир, учиненной между Монархами, не велел и молебствовать по церквам.

А как пришла ведомость от Великих Государей, в списках из розных курантов писанных, что Цесарские войска Будин город взяли у Турков, а Венециане многие города у Турков же морем побрали, и тех писем не хотел и слушать, и ныне валяютца не чтены, а то от него исходит, что неохочь слушать вестей о победе Христианской над бусурманы, а как услышит, что Татаровя поберут людей на Волыне, и тогда зло бывает весел; и колико у него бывало из Крыму Мурз и Посланников Крымских во время перемирья, всегда прашивал и приказывал к Хану, чтоб непрестанно под Белую Церковь и Немиров, на Волынь и Полесье загонами Татаровя подпадывая, в людех Христианских урон чинили Королевству Польскому, в чем явная его измена.

Семья ево Гетманская в некое время говорила женам особ Генеральных: сердит ныне и великие похвалки чинит Иван мой на Москву, едва того не учинит, что учинил Иван Брюховецкой.

А как Королевское Величество в прошлом году из Волоские земли уступал, тогда Бунчужной имел наодине речь с Гетманом, такие слова изнес: рад бы господин Гетман, чтоб Поляки от Татар в той земле Волоской, осадю утеснены будучи, помирились, а чай

бы Москва и нас познала и легко не почитала, что мы приобещанную и надежную дружбу с Государством Крымским имеем.

Хотя, по Указу Великих Государей, с того прошлого лета на сие с полками в нынешней поход готовился воевать Крым и о том Великим Государем докучал он же Гетман, чтоб все силы Монаршеские сколько их есть, в сей же поход были бы двинуты, однако не имел такой истинности, дабы по истинности оказал свою службу, как ныне исполнилось, потому что хотя предлагал, чтоб Великих

316

Государей великие подняты были силы, а советовал с прилежанием, чтоб раннего вешняго времени были в поля выведены; а то не на иную какую прислугу, только на пагубу войска, понеже в Крым и преж сего кто не хаживал и в малых собраниях, и то делал в осень, а не по весне.

А вышед из Батурина, а приблизився к реке Ворсклу, хотя полки Козацкие не все собрались было, предлагал накрепко Вельможному Боярину его милости Князю Василью Васильевичю Голицыну, дабы как скорее в поля выходил, и так по ево предложению и Боярин, его милость, войска, дальним из домов путем утружденные, от почиву требующие, в поля за Самару вывел.

А в тех полях чтоб належало Гетману о языках радеть, и за неколико верст караулы посылать, и о положении поля проведывать, того он отнюдь не чинил и Боярину, его милости, хотя хотел посылать наперед полки отсоветовал, и совета о том от Старшины не принимал, и видя около таборов, пожарами пылающие поля, гасить, хотя многократно ему Старшина докучала, не посылал и не приказывал.

А когда пришли к Воде Конской, и там за тою Водюю все поля пожарами выгорели, он ничего о том не радея, хотя Боярин, его милость, без совета общаго рушишца совершенно, не проведав, сколь далеко выгорело за ту реку не советовал, подвигся с полками Козацкими, а после его и Боярин, его милость, подвиг Монаршеские силы, чая, что он известен есть о довольствах кормов конских, и там дале поступая, обрелось поле все сгорелое.

Того ради, по тем всем вышеописанным причинам и нежелательствам и нерадениям, многие чают и совершенно твердят, и мы ведаем, что он Гетман не хотя совершенно тем

пожаром предварить, есть причиною и повелителем к выжегу поль.

Понеже недоходя Конской Воды, когда и ему в поход болезным очам солнечной зной докучал, говорил: се неразумная война Мо-

317

сковская коль нам вредительна; лишила де меня здоровья крайняго; не лутчель было Москве дома в покое сидеть и своих рубежей беречь, нежели с Крымом войну сию ненадобную заводить?

А как немочно было войскам по погорелым полям дале идти, он не ища и не промышляя какова способу, как бы над неприятели, хотя уже ментими войски, учинить промысл, гоня на неславу вечную войск Московских и Козацких, а защищая Государство Крымское, совершенно на том стал и советовал, чтоб Бояры, их милости, с войски возвратились назад.

А возвратив обозы назад, то говорил: не сказывал ли я, что Москва ничего Крыму не зделает; се ныне так и есть и надобно будет впредь гораздо им от Крымцов отдыматись; а творит то наругательство с смехом; ныне не о чем не печалитца, только так говорит перед духовною честною особою: когда бы мне дал Бог сына моего с низу целого сыскать и в Батуриин притти, буду де знать, что делать; есть у меня дела напряжены к деланию иные.

И то говорил чрез туж особу: не знаю, что мне делать с теми чертями Москали; как они со всеми войски своими напрутца в дом идти, я бы де хотел просить Боярина, чтоб мне дал и оставил с пять тысячь войска, а то для пожданья и отыскания сына моего с низу.

И то Пресветлейшим Великим Государем буде известно, что он Гетман самовласно владеет и хочет владеть Малою Россиею, Грамоты Монаршеские у кого хочет берет и дачи на себя или на детей своих оборачивает; к Царствующему граду Москве не токмо мирским, но и духовным людем, ездить запрещает, и города Государские Малороссийские не Государскими но своими именуует, и людем войсковым приказывает, чтоб ему, а не Монархом верно служили.

Сверх того говорил: когда возвратимся из Крымского походу, порадеем лутчи Малую Россию утвердить, и не так как стоит в прежних своих статьяx.

А сын его Григорий в Чернигов бранил Войта и мещан, и лаючи смертною казнью грозил, что Войт и мещане хотели поставить на Ратуше орла пластаного, в то знамение что город Чернигов есть власное Их Царскаго Пресветлаго Величества отчина, и говорил Григорий Войту и мещаном так: не будете мужики жить на свете, что хотите выламыватись из подданства господина отца моего и поддатца Москве; и заказал, чтоб орла не ставили и ставить не дерзали.

Тот же сын говорил с иными хульные слова о Пресветлейшем и Превысочайшем дому Монаршеском Их Царскаго Пресветлаго Величества, которое их досады хотя и слышал отец их, но им того не запрещал.

Да и то припоминает, что он же Гетман, высылая Михаила, бывшего Полковника Гадицкого, на размену с Татараы, давал перво словесной приказ, а потом писал своею рукою к нему Михайлу: всеми силами радеть о утверждении сил своих и дружбу с Государством Крымским, по которому указу и Михайло говаривал: когдаб нам самопалы Козацкие соединить с саблями Крымскими, сильны бы мы были против всяких Монархов.

И такую речь многократно при Старшине и всем вслух вносил: не послушала де дурная Москва моего совету, помирились с Поляки, дождусь де я того в скором времени, что будут сызнава меня просить, чтоб я посредником к перемирью с Государством Крымским был; толькож знать буду, как Государство Крымское с Москвою мирить; будут меня памятовать и ведать, как и нас почитать.

Да и то говорил: чертовская, дурная и гнусной войны Москва взяли на себя не по себе тягость и вславились всему свету повоевать Государство Крымское; а они сами никогда не смогут себя оборонить; лучше бы де радеть при промысле нашем своих рубежей беречь, нежели чужое лихо подыматца боронить; понеже, когда еще не перестав от своего намерения, похотят войну поднять, то пропадут.

Сам от многих лет бил челом Великим Государем, чтоб Чехи под Царским знаменем и титлом или в Путивле или в Севску были деланы, а ныне, когда с денежнаго двора на сию дорогу вышли и войску выдана плата, не велит и не приказывает, чтоб меж народом Малороссийским брана была и всякие купли и продажи действовались, наипаче посмеваецца говоря: из одной меди много безделья наделали, что убогому человеку ни на что не годитца, потому что будто шелуха ломятца.

Степана Гречаного, Судью Гадицкаго, без ведомости и изволения Государскаго к Королевскому Величеству с тем посылал, чтоб Мигулу, имянующагося на той там стороне Гетманом, с ево войском самовольным не держал, а себя на всякую службу быти готова с войском Запорожским обещаая, просил, чтоб ему поволил по тех мест владеть города осадив, покамест Хмельницкий владел.

Июля в 4 день сам мосты на реке Самаре, войском Окольного Леонтья Романовича строенные, он Гетман с своими полками перешед, велел пожечь, а на той там стороне Боярина со всем войском оставил, только два моста, имеющаго свои к переправе, и принужден был Боярин новые мосты делать; и тот ево поступок изменнический учинился под войском Государским.

Июля в 6 день призвав к себе Дмитряшку, говорил: имею де ведомость, что Хан с Салтанами и со всею Ордою около войска на-

320

шего на низ посланнаго, забаву воинскую имеет, только немного помедлит, сам Хан к Перекопи уступит, а Салтана с Ордами против Поляков пошлет, и дадут конечно Поляком добрую встречу; пусть же Бояре, такие непочтливой матери дети, скачют и Поляком дают помочь, а нездоров дадут.

Тогож дни пришед к нему Гетману Войт Переяславской, говорил: жалуетца де Москва приходя, что людей Государских много померло и зело много больных лежит; а он сказал: хотя бы и все пропали, тоб я о том не печалился.

Лошадей сколько к нему не приведут заблудших Московских и всяких, всех велит своим пятном перепятнав, в Гадичь отсылать; то ево в сем явное воровство.

В некое время, где в войске был Гетман с Полковниками Московскими и с нами всеми на обеде у Обознаго, и после обеда Петр Борисов Полковник размолвил с Гамалею и Гамалей, знатно в надежду ево, против Полковника сказал: что ты на меня Полковник порекаешь? не саблю де нас взяли; и он Гетман то слышав, ни единого слова Гамалею не молвил, да и разсмеялся, а чаят что и похвалил.

А после учиненного миру, знатно хотя какую в том вреду учинить, посылал в пасеки Заднепрские в мирных договорах при Польской стороне оставленные, десятины пчельной выбирать, и то учинил он противно, а не по воле Государской.

А о землях той стороны Днепра говорил жестоко: не так де то будет, как Москва с Поляки в мирных своих договорах постановила; учиним мы так, как нам надобно; по которому своему намерению тому Гречаному, к Королевскому Величеству посланному, о тех землях и о посажских селех, сверх договоров мирных, упоминатца велел.

321

И при таковых своих к Великим Государем нерадениях и вольности войска Запорожскаго от Великих Государей подтвержденные нарушил.

Все один делает, ни ково к думе не призывает.

Уряды по своему гневу отнимает и не по пристойным причинам их наказует и в безчестие вводит, и кого хочет без суда и без доводу напрасно.

За уряды Полковничьи берет великие посулы и чрез то допускает людем утеснение, чево при иных Гетманех не бывало.

Людей старинных войсковых заслуженых всякими своими вымышленными способы теснит и слова доброва не говорит.

А иных мелких незаслуженных, с собою поставливая, тем оказываетца, что хочет учинить, что сможет.

В мельницах Козацких нет Козаком воли, ни знатным, ни заслуженным, все на себя забирает.

Что у кого полубитца возмет, а что он минет, то дети возмут, и тому только у него приступ, которой посул дает, а хто не дает, хотя бы и годен был, отриновен бывает.

Старшине Генеральной нет у него чести належащей и безопасности; больши от гнева и похвальных ево слов мертвы бывают, нежели покойны живут.

Судейскаго уряду уже от четырех лет не отдает, для того что никою за добраго человека не имеет, и хочет, чтоб тот Судейской уряд за великие деньги был куплен; Государево жалованье соболиное и объяриноное на двух присланное себе забрал; а в небытии Судей погасло право и обидимым людем нет управы, и от того плачют много.

322

Больши упражняетца около домовых вещах, нежели в самых Монаршеских делех.

Того для тех ради всех причин и для неспособности ево, нет надежды чтоб и впредь войско Запорожское за ево поводом к прислуги Монаршеской что похвальное объявило, и желает все войско и со слезами Господа Бога молит, дабы Великие Государи, для лутчаго управления Монаршеских своих дел и для утолнения многих слез, изволили указать с него уряде Гетманской снять, а на тот уряд, по правом войсковым вольными голосами, повелели обрать какова бодрственнаго, вернейшаго и исправнейшаго человека, которой бы в нынешней войне не лениво, но радетельно и верно с войском во всяких случаях чинил Им Великим Государем службу; которой перемены Гетманы многие с великим упокорением превеликой милости Монаршеской просят и предлагают, что таковым образом поступив, может быть Крым заперт и вскоре силами Государскими и войска Запорожскаго повоен.

А естли того не будет, то под сим Гетманом не может ни чего к славе Монаршеской оказатца, разве бед, а будет то, что от ево тесноты все розно розбредутся, или, избави Бог, чтоб в добрых не учинилось какой порухи.

И о том войско Запорожское бьет челом, чтоб, по снятии ево с Гетманства, не был и не жил на Украине, но со всем домом взять бы ево к Москве, и яко явной изменник Их Царскаго Величества и войска Запорожскаго был казнен.

О том челом бя вам Великим Государем, припамятовали есмы евож Гетмана изменное дело: был Указ к нему от Вас, Великих Государей, по прошению Королевскаго Величества,

пустить в сторону Польской державы хлебные запасы, которых тогда была там скудость, а он, преслушав тот Ваш Государской Указ, учинил заказы, чтоб в ту державу никто хлебных запасов возить не дерзал и здесь не продавал тамошним людям, а только

323

поволил было вино да табак продавать приезжим оттуду чюмакам; а в Крым и в городки Турские, укрепляя там себе крепкую дружбу, велел нарочно всякой запас возить, волы, овцы и кони гнать на продажу; с которыми продажами Малороссийские люди непрестанно туды ездили, и как покой вечной у Великих Государей с Королем Польским учинился и война оголошена на Бусурман, и тогда тех продаж не уняли; кто хотел ездил туды с хлебными запасами во все лето и зимы прошлой заняв; а хотя ково с такими продажами и поимали, не наказывали; которым образом знатно городки Турские, над Днепром будущие, из Турские земли хлебных присылок неимеющие, отсюда из Малой России учинились обогачены.

И иных многих неизочтенных ево поступков немочно и выписать злых, только у Превысочайшаго Престола Вашего Царскаго Пресветлаго Величества падше, просим конечной ево Гетманской перемены, понеже естли за теми предложеньми посторонними, не имела быть на том воля Вашего Царскаго Пресветлаго Величества, то войско Запорожское из меньших чинов отнюдь его, яко явнаго недоброхота, соблюдая к Вам, Великим Государям, свою верную службу, не может терпеть, по своим войсковым правам и обыкчям с ним поступить в скором времени понуждено будет; за что, дабы Ваш Царской Престол на нас не досадывал, всепокорнее Вашему Царскому Пресветлому Величеству бьем челом со всем войском.

А чтоб те все ево злые Гетманские дела, от нас выписанные, были приняты и вера им была дана, имена наши, руками нашими подписываем, и в руки ясновельможнаго его милости Ближняго Боярина Князя Василья Вальевича Голицына покорне отдаем.

В таборе, над речкою Коломаком, в лето 1687, Июля в 7 день.

Вашего Царскаго Пресветлаго Величества верные поданные и нижайшие подножия:

Василий Борковский, Обозной войска Их Царскаго Пресветлаго Величества Запорожскаго Генеральной.

Михайло Воехевичь, Судья.

Сава Прокопов, Писарь Войска Вашего Царского Пресветлаго Величества Запорожского Генеральной.

Иван Мазепа, Ясаул войска Их Царского Пресветлаго Величества Запорожского Генеральной.

Костянтин Солонина.

Яков Лизогуб.

Григорий Гамалей.

Дмитряшко Райца.

Степан Петров Забела.

А в низу написано: Василий Кочюбей.

И то потребует високаго разсуждения, что он по високому о себе разумению скрытым умыслом своим не токмо в народе сем Малороссийском, меж которым и сам мелко как и иные люди родился, не кладет урожением и разумом никого себе ровного, но и Великороссийскаго православия всякими чинами гнушаясь, не похотел ни заково отдать нынешней дочери своей, но из-за рубежа нарочными способы для того приманил Князя Четвертинского, в чем разсуждает способной имети приступ когда ни есть к удельному в Малой Россию владению, и таковым то знатным намерением и печать Юраса Хмельницкаго при себе задержал, не отсылая к Великим Государем, на которой погоня Княжество Малороссийское изображено, тому Юрасу от Турскаго данное.

А что от детей ево в полках Черниговском и Стародубском бед деетца, того и выписать немочно, о чем теж полчане во время свое совершенно скажут.

Из Коллежскаго Архива.